

Празднество, или Свалка у фонтана

На тему петербургских празднеств написано уже много работ. Из них следует, что с самого начала истории города в его жизни сложился целый набор праздников, как старых, традиционных (церковных), так и новых, светских, которыми отмечали, прежде всего, победы русского оружия, памятные даты из жизни царя и его семьи. В те времена впервые люди увидели «потешные зрелища» вроде маскарада, любителем которого был сам государь. При дворе, а также в домах знатных вельмож с 1718 г. регулярно устраивали ассамблеи, «заседания» Всеобщего собора, семантика которого остается в значительной степени неисследованной. Шутовство, как и в XVII в., процветало при петербургском дворе Петра.

Портрет на фоне города

Иван Балакирев, или «На дураке нет взыску»

Иван Балакирев стал самым знаменитым шутом русской истории много лет спустя после своей смерти в 1760 г., точнее через 70 лет, когда в 1830-х гг. легендарные истории о нем были собраны кем-то в анонимную книжку «Анекдоты о шуте Балакиреве». Эта книжка об уморительных проделках и остроумии шута стала необыкновенно популярна в народе, и имя Балакирева знал каждый...

«Анекдоты» рисовали образ сидящего у ног царя Петра I умного шута в дурацком колпаке, который своими прибаутками и дурашливыми, якобы «не к месту», словами открывает властителю глаза, издевается над настоящими дураками и славит истину и справедливость. В жизни все было гораздо сложнее. Конечно, всем было ясно, что придворный шут, «дурак» — это не клинический дурак, а особого рода служащий, а если над ним и потешаются, то так же могут потешаться над любым подданным государя — будь на то царская воля! Кто-то из придворных, видя грустно стоявшего в сторонке шута, решил уколоть его и спросил: «Когда ты умрешь, дурак?» «Не знаю, — мрачно отвечал Балакирев, — но, вероятно, после тебя, потому что в списке дураков видел свою фамилию после твоей».

Петр I — великий реформатор — прошел через нашу историю окруженный не только талантливыми сподвижниками, но и пьяными, кривляющимися шутами. Из них многие принадлежали к родовитым, графским и даже княжеским фамилиям. Иван Алексеевич Балакирев вышел из столбовых дворян. В молодости он попал в армию, служил в Преображенском полку. Ловкий и умный преображенец был зачислен в штат при-

дворных служителей. Мы не знаем, шутил ли он при первом императоре, как описывают это «Анекдоты», но нам известно точно, что Балакирев при Петре сильно пострадал, оказавшись втянутым в дело любовника царицы Екатерины, Виллима Монса. Он якобы работал у любовников «почтальоном». В 1724 г. за связь с Монсом Балакирев получил 60 ударов палками и был сослан на каторгу. К счастью для Балакирева, Петр вскоре умер, и Екатерина, став государыней, вызволила с каторги верного слугу. Однако только при Анне Иоанновне его окончательно призвали в шуты, и вот уж тогда-то он и прослыл за большого остроумца.

И. Балакирев

Но не будем этому умиляться. Если бы нам довелось увидеть шутики Балакирева и ему подобных, то ничего, кроме отвращения к этому похабному зрелищу, мы бы не испытали. Люди же прошлого иначе относились к непристойным словам и грубым выходкам шутов. Психологическая природа шутовства состояла в том, что шут, говоря непристойности, обнажая душу и тело, давал выход психической энергии зрителей, которую держали под спудом строгие, ханжеские нормы тогдашней морали. Как пишет историк Иван Забелин, «на то и существовал в доме дурак, чтобы олицетворять дурацкие, а в сущности вольные движения жизни». Так было и с Балакиревым. Его шутики-интермедии, густо замешанные на непристойностях, тянулись порой годами. То он жаловался в Синод на непослушную жену, и церковные иерархи, под гогот придворных, уговаривали его супругу к «вступлению в брачное соитие по-прежнему». То вдруг начинались непристойные ссоры Балакирева с другими шутами, и весь двор помирал со смеху от эпизодов этой «войны»... А между тем распри шутов были нешуточные, борьба за милость государыни тут шла с неменьшим напряжением, чем в среде придворных — с клязузами, подлостями и даже мордобоем. А это и было смешно...

Несмешно было только самому Балакиреву. Это была его работа, служба — грязная и порой опасная. В одном из анекдотов шут, спасаясь от рассердившегося на его каламбуры Петра I, прячется под шлейфом платья царицы Екатерины. Это значит, что слово — единственное оружие шута дало осечку, шутка была не понята, старинное правило прощения шута «На дураке нет взыску» не сработало и знаменитая дубинка грозного царя нависла над его головой. Так случалось и потом. Поэтому, когда в 1740 г. умерла императрица Анна, Балакирев выпросился в деревню и провел там,

в тиши и покое, остаток жизни — 20 лет. Более мрачного и неразговорчивого соседа окрестные помещики в жизни не видали: свое Балакирев уже отшутил.

Особенно заботился царь об организации военных празднеств в честь побед русского оружия, памятных дат. Каждый год торжественно отмечали победы русской армии при Лесной, Полтаве, Гангуте, Гренгаме и т. д. Необычайно торжественно и долго праздновали Ништадтский мир 1721 г.: литургии, парады, шествия, застолья и фейерверки шли вереницей несколько недель. С 10 сентября 1721 г. начался многодневный водно-сухопутный маскарад по случаю свадьбы престарелого «князь-папы» Никиты Зотова. Как и в других случаях, Петр тщательно составлял программу мероприятия, сам занимался подготовкой фейерверков. Он участвовал и в карнавальных шествиях, был у всех на виду в маске голландского матроса с барабаном среди тысяч других, самых разных масок. Никто из участников маскарада не имел права снимать маски и переодеваться целую неделю. Вообще, все эти празднества для их участников были обязательно-принудительны.

В 1723 г. устроили торжественную встречу «Дедушки русского флота» — ботика, на котором некогда юный Петр постигал азы кораблевождения. В день своего рождения, 30 июня, Петр пришел из Шлиссельбурга на ботике и обменялся салютом из пушек с Петропавловской и Адмиралтейской крепостями, а также со стоявшими на Троицкой площади гвар-

Перенесение мощей святого Александра Невского в Петербург в 1724 г.
Гравюра с картины Баснина

дейскими полками. Стреляли они и тогда, когда император причалил у Троицкой пристани, прошел на службу в Троицкую церковь, а потом появился на площади. Палили пушки и когда в здании Сената начался обед в честь прибытия «дедушки». Потом, в августе того же года, «дедушка» повидался с «детками» — кораблями Балтийского флота. Это «свидание» также сопровождалось пышным празднеством. Петр решил поместить ботик на вечное хранение в кронверке (так писал И. И. Голиков), однако потом царь передумал, и ботик поставили в Петропавловской крепости, в Государевом бастионе.¹⁴⁸

Церковно-государственным праздником огромного масштаба стала встреча мощей Александра Невского, которые перенесли из Владимира в Александро-Невский монастырь в 1724 г.¹⁴⁹ Подобные праздники, очень оживляли довольно однообразную, серую и трудную жизнь петербуржцев. Обычно жителей заранее извещали о начале торжеств, они приглашались вдоволь «поработать зеваками», могли насмотреться на участников празднеств, но главное, ради чего они подчас собирались в несметные толпы, бывало припасено под занавес: их бесплатно поили и кормили. Для этого, в духе культуры барокко, устраивали винные фонтаны, вино и водка в которые подавалась из поднятых на высоту бочек. «Закуской» служили выставленные посреди площади на особом подиуме зажаренные быки, набитые зажаренной же дичью. По сигналу из дворца полиция снимала оцепление — и толпа алчно устремлялась к даровому угощению. По данным позднейших времен (вплоть до описания трагедии на Ходынке в 1896 г.) мы знаем, что эти публичные угощения народа выглядели довольно мерзко: неизъяснимая жадность, грубое желание урвать дармовое внезапно охватывали толпы, и люди, озверев, рвались к фонтанам и быкам, давили и топтали упавших, вырывали друг у друга окровавленные куски мяса (прожарить на огромном вертеле быка все равно не удавалось), вычерпывали досуха шапками и лаптями винные фонтаны...

Обычно все празднества завершались «огненными потехами», которые при Петре состояли из иллюминации и фейерверка. Иллюминация была двух видов. Часто это были расставленные на окнах и крышах домов свечи и плошки с жиром, их поджигали, и они обрисовывали контуры здания или сооружения. Особенно эффектно выглядели в темноте огненные контуры Адмиралтейской и Петропавловской крепостей. Археологи нашли при раскопках в Иоанновском равелине и Невской куртине множество таких глиняных плошек-светильников.¹⁵⁰ Была и другая разновид-

¹⁴⁸ Голиков И. И. Деяния Петра Великого. М., 1789. Т. 8. С. 379; Ларионов А. Л., Перовский Е. П., Афанасьев С. И. Ботик Петра Великого и его модель-реконструкция // Труды ГМИСПб. Вып. 2. С. 82.

¹⁴⁹ Берхгольц Ф. В. Дневник... Ч. 1. С. 120 и др.; Семенова Л. Н. Общественные развлечения в Петербурге в первой половине XVIII в. // Старый Петербург: Историко-этнографические исследования Л., 1982. С. 161 и др.

¹⁵⁰ Зурабян Н. М. Поздняя археология и коллекция глиняных курительных трубок из фонда Государственного музея истории Санкт-Петербурга // КЗ. Вып. 3. С. 18.

ность иллюминаций. Плошки ставили на уступы и поверхности специально построенных сооружений, украшенных плоскостной или объемной скульптурой и воинской арматурой — чаще всего храмов, гротов, павильонов, беседок.

Исследователи справедливо отмечают особую назойливую идеологизированность празднеств петровского времени, их сложные для простого зрителя аллегории и символы. Триумфальные арки, украшенные живописными и скульптурными изображениями, прославляли победы русского оружия, успехи преобразований.¹⁵¹ Их проектированием и строительством занимались многие архитекторы Петербурга.

Особенно красочны были фейерверки. Петр сам любил жечь их, проявляя при этом большую изобретательность и смелость — он не раз рисковал жизнью вблизи горючих, взрывающихся веществ, из которых состоял фейерверк. Как известно, фейерверки устраивали на особом «театруме». Это могло быть отгороженное и удаленное от зрителей и жилья пространство, могли быть и стоящие на якорях плоты. На «театруме» воздвигали как щиты с иллюминацией, так и «планы» — рамы огромных размеров. На них с помощью пропитанных пиротехническими составами шнуров пиротехники (по проектам художников) создавали сложные изображения фигур, храмов, надписей. Когда их в темноте поджигали, то горящие в определенном порядке шнуры создавали иллюзию объема и даже движения. «Планы» ставили рядом или друг за другом и вместе или поочередно поджигали, возникали «огненные перспективы», особенно тогда, когда с помощью «плана» стремились воспроизвести «огненный сад».

Сожжение фейерверка было делом необыкновенно сложным: плошки на щитах иллюминаций, «планы» и другие составные части фейерверка поджигали в строго определенном порядке. Все это должно было происходить быстро, подчас одновременно. Сотни вышколенных солдат бегали по невидимым зрителям трапам и поджигали плошки и шнуры. Одновременно с зажженными неподвижными элементами фейерверка поджигали вращавшиеся силой реактивной тяги огненные колеса, специальные снаряды, которые «прыгали», «скакали», а на воде — плавали, ныряли, подпрыгивали над поверхностью (это ракеты не «верховые», а «водяные») — словом, создавали иллюзию жизни.¹⁵²

В петровском Петербурге фейерверки устраивали в разных местах: на Царицыном лугу, на открытых пустых пространствах, на плотках или барках, стоящих на Неве перед Летним садом, дворцом Меншикова, на льду перед Зимним дворцом. Постепенно было осознанно особо эффективное значение водной площадки между Зимним дворцом, Петропавловской

¹⁵¹ Гребенюк В. П. Публичные зрелища петровского времени и их связь с театром // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976. С. 136.

¹⁵² Сариева Е. А. Фейерверки в России // Развлекательная культура России XVIII—XIX вв.: Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 91—93.

крепостью и Стрелкой Васильевского острова. На этом огромном водном (а зимой ледяном) пространстве можно было устраивать самые разнообразные празднества. Здесь проводили рождественские и новогодние гуляния, 6 января здесь проходил обряд Водосвятия, на льду стояли войска. Как говорил Петр, «зрелище приятное — видеть строй десяти полков на льду Невы, кругом Иордани стоящих».¹⁵³ Летом водная площадь давала возможность устраивать безопасные для городской застройки огненные водные потехи. Уже после смерти Петра здесь был построен постоянный «театрум фейерверков». Он стоял на самой оконечности Стрелки Васильевского острова. «Театрум» представлял собой огромное, поставленное на тысячи свай сооружение — помост с надстройкой.¹⁵⁴ На карте Майера 1738 г. видно, что сооружение вытянуто с запада на восток и далеко выдается в воду. Неподалеку была лаборатория для изготовления фейерверков.

Непременной частью празднеств были салюты, расцветавшие дивными огненными фигурами в петербургском небе. Как уже сказано выше, из-за салютов приходилось заново вставлять стекла в казенных заведениях на Городовой стороне. Впрочем, так бывало и позже — гром десятков орудий и взрывы «мирных» пороховых бомб плохо сказывались на ненадежной петербургской архитектуре: в 1735 г. от «иллюминации, от метания бомб и от розорвания с пороховою казною ящиков во академических полатах стекол розбито двести сорок четыре», да «осыпались потолки».¹⁵⁵ Зато красота салютов была необыкновенной, а клики толпы над Невой особенно громкими.

Так, под клики толпы и гром салюта, простимся с этим юным городом и его основателем, давшим ему имя, которое мы с вами наконец-то, надеюсь уже навсегда, вернули ему — Санкт-Петербург.

¹⁵³ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 50.

¹⁵⁴ Ровинский Д. А. Обзорение иконописания в России: Описание фейерверков и иллюминаций. М., 1903. С. 206.

¹⁵⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 637. Л. 2 об.; Д. 580. Л. 69.